

Виктор Шнирельман

Евразия или Европа? Роль Украины в евразийском и Евразии в украинском дискурсе¹

Переходные исторические эпохи – их называют то «бурными», то «смутными» – всегда заставляют людей переосмысливать свое место в мире. Именно в эти периоды остро актуальными становятся такие понятия как «народ», «нация», жгучий интерес вызывают их территориальные пределы и особенности их исторического пути, общественная мысль обращается к образу «самобытной культуры», и ведутся неутомимые поиски «духовности». Ярким примером всего этого служит Германия XIX в., где поиски германского единства и попытки осмысления места Германии в мире вызвали небывалый взлет немецкой классической философии и исторической мысли. При долгом и мучительном отсутствии желанного политического единства многие немецкие интеллектуалы искали такое единство в немецкой культуре и общегерманской истории раннего средневековья. Иных вдохновлял романтизированный образ первобытных германцев, нарисованный античными писателями, и к началу XX в. это даже привело к попыткам «возродить» древнюю языческую религию с ее развитым пантеоном во главе с яростным Вotanом.

Результаты деятельности немецких интеллектуалов по созданию единой немецкой нации оказались весьма противоречивы. С одной стороны, им удалось привить немцам чувство общности. Однако, так как эта общность обосновывалась не гражданским статусом (полнокровного гражданского общества в имперской Германии еще не было), а культурой, то, с другой стороны, стремление сохранить свою «самобытную культуру» (сегодня это назвали бы «экологией культуры») неизбежно вызывало подозрения в отношении «инородцев», доходившие в определенные периоды до шовинизма и ненависти.

Германский опыт имеет для нас основополагающее значение, ибо формирование интеллектуальной мысли в Российской империи происходило под прямым и непосредственным влиянием немецкой философии, филологии и историографии. При этом у немцев учились не только русские славянофилы, но и духовные лидеры становящихся на ноги национализмов многих народов России. Почему немецкий культурный национализм казался российским интеллектуалам гораздо соблазнительнее французского политического национализма? При том, что на-

¹ Это – уточненный и слегка расширенный вариант статьи, опубликованной в сб.: И.А. Снежкова, Л.В. Остапенко (ред.). Россия и Украина: этнополитические аспекты взаимодействия. М.: РУДН, 2007. С. 8-42. Статья размещается на сайте с согласия редакции сборника.

ционализмы в Германии и России складывались в совершенно разной политической обстановке – Германия, как отмечалось, страдала от раздробленности, тогда как в России проблема «собираения земель» давно уже была пройденным этапом, - их объединяло одно – отсутствие гражданского общества и политических свобод. А при отсутствии притягательных политических принципов, на которых могла бы консолидироваться современная нация, националистам не оставалось ничего иного как обращаться к идее культурного единства. С тех пор лозунги культурного единства и «самобытной культуры» не перестают соблазнять самых разных националистов, помогая им уходить от животрепещущих вопросов внутренней социальной дифференциации.

Между тем, такие идеи сыграли с Германией злую шутку, создав почву для нацизма и, тем самым, приведя ее к краху. Однако, хотя самой Германии с огромными усилиями удалось преодолеть свое позорное наследие, идея национализма, основанного на «самобытной культуре», сохранила свою притягательность и до сих пор не страдает от недостатка поклонников. Именно об этом применительно к Восточной Европе и бывшему Советскому Союзу писал с тревогой Эрнест Геллнер, обсуждая свои знаменитые «часовые пояса» национализма в Европе².

Еще раньше о том же задумались некоторые русские эмигранты-интеллектуалы, создавшие в 1920-х гг. учение о России-Евразии. Пережив революционную травму и отчетливо понимая, что Советская Россия была неспособна предложить приемлемые политические принципы для формирования нации, они также решили сделать ставку на культурное единство. Вместе с тем, сознавая силу активно проявивших себя этнонациональных движений, они не могли с ними не считаться. Поэтому, сохраняя верность «единой и неделимой России», эти эмигранты прилагали титанические интеллектуальные усилия для того, чтобы превратить культурный конгломерат в единое интегрированное целое. О том, к каким ухищрениям они при этом прибегали, мне уже приходилось писать³.

Здесь достаточно напомнить, что, прекрасно сознавая всю сложность этнокультурной мозаики России, они пытались представить ее единым культурным полем, где наличие локальных культур якобы нисколько не мешало формированию общего культурного ландшафта. Для этого они смещали акцент с поиска уникальных культурных корней к идее интенсивного межкультурного взаимодействия в условиях единого природно-географического ареала. На их взгляд, оба фактора – необходимость адаптации к сходным природным условиям и выработка общих культурных кодов в ходе плотного культурного общения – создавали идеальную основу для взаимопонимания и дружеских отношений между многочисленными народами России. В русле такого дискурса вопросы неравных социальных статусов разных этнических и религиозных групп и их дискриминации оказывались второстепенными. А о каких-либо правах человека и вовсе речи не

² Геллнер Э. Условия свободы. М.: Ad Marginem, 1995. С. 124-126.

³ Шнирельман В.А. Евразийская идея и теория культуры // Этнографическое обозрение. 1996. № 4.

было. Индивид был интересен евразийцам лишь как представитель своей этнической группы, и он получал лишь те права, которыми наделялась соответствующая группа. Тем самым, этничность объективизировалась и, как мы сказали бы сегодня, реифицировалась. Трудно не заметить, что все это хорошо соответствовало пятой графе советского паспорта.

Еще одним важным элементом евразийства была историческая концепция. Ее стержнем являлось утверждение о том, что история евразийского континента развивалась вокруг степного пояса, служившего ядром для крупных континентальных культурных и государственных общностей, создаваемых время от времени усилиями самых разных вовлеченных в этот процесс народов⁴. В соответствии с этим евразийцы считали Монгольскую державу прямой предшественницей Московского царства и придавали «туранским народам» большое значение в складывании евразийской культурно-исторической общности. У евразийцев были различные причины для конструирования такой концепции. Одна из них заключалась в стремлении легитимизировать Российскую империю путем апелляции к далекому прошлому и навязать тюрко-монгольским народам идею о неразрывности их исторического пути с русскими. Все это делалось, в частности, для закрепления прав Российского государства на сравнительно недавно завоеванные восточные окраины (Туркестан и т. д.). Что же касается западных земель, то по отношению к ним евразийцы оперировали общепринятой у русских националистов идеей триединства русского народа, включавшего великороссов, украинцев и белорусов. Им казалось, что этого достаточно, но дело обстояло как раз противоположным образом.

Как известно, евразийцы подразделяли культуру на «высокую» (элитарную) и «низкую» (этнографическую) и отводили русской культуре почетное место фундамента для формирования «высокой» общеевразийской культуры. Так, например, по мнению Л. П. Карсавина, «русское первенствовало и первенствует донныне как наилучший носитель общеевразийского», и в этом у русского начала не было и не предвидится конкурентов⁵. Н. С. Трубецкой также был согласен с тем, что по определенным причинам русский народ был призван играть первенствующую роль среди всех других народов государства⁶.

Ясно, что такая позиция была неприемлемой для интеллектуалов нерусского происхождения, вступавших в ожесточенный спор с евразийцами. Это особенно отчетливо высветила дискуссия об «украинской проблеме», проходившая во второй половине 1920-х годов. Дискуссия имела свою предысторию, интересную тем, что позволяет обнаружить дореволюционные корни евразийского дискурса и рисует ту накаленную атмосферу, в которой воспитывались будущие активисты евразийского движения. Речь идет об обсуждении украинского вопроса в 1911–

⁴ Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: евразийский соблазн. М., 1997; Виленда И.В. Идея самобытности России в исторической концепции евразийцев // Вестник Московского университета – Серия 8: История. 1998. № 1.

⁵ Карсавин Л.П. О педагогике // Евразийская хроника. 1926. № 4.

⁶ Трубецкой Н.С. Общеевразийский национализм // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 25.

1912 гг. на страницах либерального журнала «Русская мысль», где оппонентами выступали видный общественный деятель, редактор этого журнала П. Б. Струве и писатель Б. Кистяковский, подписавшийся псевдонимом «Украинец»⁷. Несмотря на господствующую в стране реакцию, Струве полагал, что все мыслящие люди России должны задуматься о будущем культурном облике страны, ибо реакция пройдет, а культурно-языковые проблемы останутся, причем в условиях демократии их острота возрастет. Позиция самого Струве заключалась в том, что в будущей России он видел «национально русское государство», понимая под «русским» триединство великороссов, малороссов (украинцев) и белорусов. Такой взгляд не в последнюю очередь диктовался данными всероссийской переписи 1897 г., по которой великороссы составляли 43% населения, тогда как численность всего восточнославянского населения достигала 65% обитателей России. Это-то доминирующее «триединство» Струве и объявлял «русской нацией», видя в ней «растущую национальную силу, творимую нацию (nation in making)», отличавшуюся своими общерусской культурой и общерусским языком. В «малорусском» и «белорусском» он видел локальные варианты этой культуры, имеющие исключительно второстепенное областное значение⁸. Он не только не признавал их равноценными «русской культуре», но в полемическом задоре доходил до того, что объявлял их несуществующими: «Как культуры, равноценные или равнозначные с той, которую любители этнографических терминов называют великорусской, но которую и история, и здравый смысл предписывают называть просто – русской, культура «малорусская» и «белорусская» еще должны быть созданы. Их еще нет»⁹.

Больше того, Струве фактически использовал термины «русский» и «великорусский» как синонимы и отводил великорусским (русским) культуре и языку роль гегемона. При этом он всячески пытался принизить политическую подоплеку этого феномена. Признавая определенную роль государства в распространении русской культуры и языка, он все же делал акцент на «естественности» их широкого бытования во всех уголках империи. В частности, Струве подчеркивал роль капиталистического хозяйства в сложении единого языка и преодолении культурной разобщенности и настаивал на том, что в современном обществе интегрирующие силы действуют не в пример успешнее дифференцирующих¹⁰. О неславянском населении Российской империи Струве в этом споре не упоминал, как бы молчаливо признавая, что общерусские язык и культура будут иметь определяющее значение и для него. Но, как нетрудно заметить, это население оставалось за пределами «русской нации», и читатель мог лишь строить догадки относительно его статуса и прав в том демократическом государстве, которое рисовалось в воображении Струве.

⁷ Tolz V. Russia. London: Arnold, 2001. P. 219-220.

⁸ Струве П.Б. Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ Украинцу // Русская мысль. 1912. Кн. 1. С. 66.

⁹ Струве П.Б. На разные темы // Русская мысль. 1911. Кн. 1. С. 185-186.

¹⁰ Струве П.Б. Общерусская культура.

В развитии местных языков, в частности, украинского, Струве видел бесцельную растрату психических сил населения, а также разбазаривание средств, которые должны были бы пойти на общий подъем культуры. Кроме того, он страшился конкуренции со стороны вновь созданных «малорусской» и «белорусской» культур как равноценных русской. В этом он видел угрозу раскола единой русской культуры, чреватого вытеснением общерусской культуры с территории «этнографической» Украины: «Если интеллигентская «украинская» мысль ударит в народную почву и зажжет ее своим «украинством», [это грозит] величайшим и неслыханным расколом в русской нации»¹¹. Разумеется, участвуя в столь высокоэмоциональном споре, Струве не мог оставаться полностью беспристрастным, и его концепция была не лишена противоречий. Например, отрицая реальность украинской и белорусской культур, Струве признавал, что и русская нация находится в процессе создания. Мало того, говоря об огромной роли общерусского литературного языка, он отчетливо сознавал, что в условиях ужасающей безграмотности народа этот язык остается многим недоступным. В то же время его задевали слова оппонента о том, что русская нация была не более, чем порождением фантазии русской интеллигенции¹², и он обосновывал свою позицию ссылкой на существование общерусской культуры и общерусского языка¹³.

Вместе с тем, нельзя не заметить, что Струве оперировал такими понятиями как высокие и низкие культуры и языки (низкие – областные, а высокие – их синтез), культуротворческая и нациестроительная роль интеллигенции (элиты), распространение культурных и языковых инноваций из высших классов к низшим (но в отличие от евразийцев, Струве видел и обратный процесс заимствования культурных и языковых форм снизу вверх; этот двусторонний процесс он выразил в литой формуле «беря у улицы, в то же время учить улицу»¹⁴). Несколько позднее эти идеи нашли свое развитие в работах евразийцев, прежде всего, Н. С. Трубецкого. Это нельзя объяснить случайностью, учитывая, что один из самых активных евразийцев, П. Н. Савицкий, являлся любимым учеником Струве и одно время даже работал его личным секретарем. Не остается сомнений в том, что взгляды Струве по национальным проблемам, а также на решение культурно-языковых вопросов в России сыграли огромную роль в формировании евразийской концепции. Правда, не все в его взглядах оказывалось приемлемым для евразийцев. Ведь в отличие от них Струве избегал какой-либо откровенно антизападнической позиции и даже признавал положительный вклад немецкого и французского языков в развитие русского («национальное духовное объединение совершилось через космополитическую учебу»)¹⁵. Будучи экономистом, Струве хорошо понимал роль модернизации как фактора культурной нивелировки. Удиви-

¹¹ Ср.: Струве П.Б. На разные темы. С. 185, 187; он же. Общерусская культура. С. 74, 82, 84-85.

¹² Украинец. К вопросу о самостоятельной украинской культуре // Русская мысль. 1911. Кн. 5. С. 137.

¹³ Ср.: Струве П.Б. На разные темы. С. 185; он же. Общерусская культура. С. 67-68, 81.

¹⁴ Струве П.Б. Общерусская культура. С. 77.

¹⁵ Там же. С. 83.

тельно, что этот важнейший момент его концепции ускользнул из внимания евразийцев, хотя много позднее он был независимо развит специалистами по проблемам национализма.

Как же «Украинец» возражал Струве? Любопытно, что изложение своих взглядов он начал отнюдь не с обсуждения культурных факторов. Он обращал внимание читателей прежде всего на антиукраинскую деятельность правой и, частично, даже либеральной российской прессы и всевозможных общественных комитетов, а также на прямые действия властей, закрывавших украинские культурные общества и органы печати. Он упоминал также о решении Государственной Думы исключить украинский язык из сферы образования, что обрекало украинцев на безграмотность. Именно к этому вело раздувание мифа об «украинской опасности», к чему был причастен и сам Струве. Иными словами, там, где Струве предпочитал описывать ситуацию в терминах языка и культуры (в этом по его стопам шли евразийцы), его оппонент прямо писал о дискриминации, которая и составляла суть «украинской проблемы». Далее, в том, что Струве изображал «общерусской культурой», «Украинец» видел «беспочвенную вненациональную и антипатриотическую интеллигентскую культуру вместо культуры народных масс». Он отказывался воспринимать и тезис Струве о «естественности» гегемонии русской культуры и демонстрировал, что это был результат целенаправленной политики Российского государства и действий Русской православной церкви по искоренению украинской литературной традиции. Соглашаясь с тем, что в наше время национальные культуры создаются осознанно и целенаправленно (этим он предвосхищал современный конструктивистский подход), «Украинец» подчеркивал, что «русская культура» творилась при активном участии государства, а украинская – демократическими силами снизу. Он также сетовал на то, что развитие образования на русском языке при исключении украинского вело к трагическому разрыву между украинской интеллигенцией и массой неграмотного народа, которые в прямом смысле говорили на разных языках. «Украинца» обижало высокомерное отношение Струве к украинской культуре, и он настаивал на том, что «из факта подавляющего величия русской культуры нельзя выводить того, что у украинской культуры нет никаких шансов стать самобытной»¹⁶.

«Украинца» поддержал председатель московского Общества славянской культуры академик Ф. Е. Корш, выступавший за повышение прав отдельных земель, входивших в состав Российской империи. Он выказал себя убежденным противником шовинистического лозунга о том, что «историческое призвание России – обрусить все нерусское и оправославить все неправославное», как о том говорилось в Государственном совете. По мнению Корша, такой подход был неспособен выработать прочную русскую культуру, которая бы развивалась в гармоничных отношениях с местными культурами. Корш подчеркивал, что по своему лингвистическому статусу украинский язык стоит ничуть не ниже русского. Он напоминал о несомненных достоинствах украинской культуры XVII в. перед великорус-

¹⁶ Украинец. Указ. соч.

ской, которые в то время заставляли московские власти выписывать ученых из Украины. Напротив, – заявлял он, – с тех пор грамотность на Украине резко упала, ибо «прежняя украинская культура [была] подавлена московско-петербургской государственностью»¹⁷. Наконец, обращая внимание на ситуацию в австрийской Галиции, которая была не в пример благоприятнее для развития украинской культуры, чем на остальной Украине, Корш заключал: «Мы сами, великороссы, своим несправедливым отношением к малороссам придали Галиции ореол обетованной земли украинства». В этом он винил не только российское правительство, но и русское образованное общество¹⁸. Таким образом, если Струве делал акцент на культурно-языковых факторах, то его оппоненты подчеркивали прежде всего роль реальной государственной и партийной политики.

С новой силой этот спор вспыхнул в эмиграции в 1927–1928 гг., когда украинский вопрос стал пробным камнем евразийской доктрины. Евразийцы исходили из идеи об «общерусском», т. е. восточнославянском, культурном единстве, существовавшем до XII–XIV вв.¹⁹ Этот факт русской истории имел для них гораздо более важное значение, чем последующее разделение на великороссов, украинцев и белорусов с их особым историческим прошлым. Трубецкой развивал идею о том, что культуры Московской Руси и «Западной Руси» были двумя близкородственными разновидностями одной и той же общерусской культуры. Мало того, по его мнению, «высшая» общерусская культура Российской империи XVIII в. была своим созданием обязана достижениям украинской культуры (школа, литературный язык, литература, архитектура, живопись и пр.), принесенным в Россию образованными украинцами, привлеченными на русскую службу. Увлеченный этой идеей, Трубецкой даже настаивал на том, что Петр I полностью искоренил великорусскую культуру Московской Руси, заменив ее украинской. Тем самым, «провинциальная» украинская культура вытеснила московскую и стала основой «высокой» культуры Российской Империи²⁰.

Эта концепция встретила резкую критику со стороны известного украинского историка Д. Дорошенко, отметившего, что в Московской Руси и речи не было о заимствовании украинской культуры во всей ее целостности и что поэтому было бы ошибочным отождествлять ее с какой-либо общерусской культурой²¹. Это заставило Трубецкого несколько откорректировать свою идею. Он объяснял, что история сделала украинцев безгосударственным народом и привила им анархические настроения, тогда как русским свойственна миссия государственного строительства и объединения. В то же время он отдавал должное Украине, сохра-

¹⁷ Похоже, евразийцы пытались учесть эту критику, хотя и сохранили в своей программе установку на оправославливание.

¹⁸ Корш Ф.Е. К спору об украинской культуре // Украинская жизнь. 1912. № 2.

¹⁹ Савицкий П.Н. Великороссия и Украина в русской культуре // Родное слово. 1926. № 8. С. 10-14; Трубецкой Н.С. К украинской проблеме // Евразийский временник. 1927. Кн. 5.

²⁰ Трубецкой Н.С. К украинской проблеме; его же. Ответ Д. И. Дорошенко // Евразийская хроника. 1928. № 10.

²¹ Дорошенко Д.И. К «украинской проблеме» // Евразийская хроника. 1926. № 10. С. 44-46.

нившей, несмотря на все свое «западничество», верность православию. Именно последнее, на его взгляд, и позволяло преодолеть взаимное отталкивание и заняться выполнением «общенациональных задач», главную из которых он видел в «сохранении русского православия». Отвечая на замечания Дорошенко, он объяснял, что, конечно же, Россия заимствовала не «украинский дух», а лишь отдельные элементы украинской культуры, причем в ходе этого некоторые украинцы сами заразились русским государственным духом. Что же касается «общеукраинской культуры», то ей суждено будет включить элементы самых разных этнических культур. В то же время Трубецкой снова апеллировал к «природе» восточных славян, которым следовало поддерживать свою культурную близость. Подчеркивая множественность этнического самосознания, он утверждал, что на одном уровне украинцы являются «украинцами», но на другом – «русскими». То же, на его взгляд, относилось и к языку: если украинскую культуру должен был обслуживать украинский, то общерусскую – русский²².

Тем самым, Трубецкой вполне осознанно развивал свою концепцию, призванную обосновать общую русско-украинскую основу «высокой» культуры России, что, по его мнению, должно было легитимизировать политическую интеграцию Украины в состав Российской империи. Так как первостепенную роль в его конструкции играл языковой момент, нелишне напомнить, что, высказываясь по «украинской проблеме», будущий президент Чехословакии Т. Масарик особенно остро реагировал на привлечение «филологических аргументов», считая, что они ни в коей мере не могли быть решающими. По его мнению, народ мог создаваться политическими и эмоциональными факторами, а вовсе не филологическими²³. Иными словами, в подобного рода дискурсах апелляция к культуре не могла иметь особой силы.

Между тем, евразийцы делали акцент именно на культурные аргументы. Трубецкой отмечал, что в XVIII–XIX вв. рука об руку с «высокой» общерусской культурой естественным образом развивались локальные индивидуальные культуры (великорусская, украинская, белорусская). По его мнению, в своей начальной форме первая была слишком абстрактной, являясь продуктом отчуждения интеллигенции от народа, что порождало ностальгические мечты об их новом единении, а это прямо вело к регионализму и национализму. Для него насущная проблема состояла в том, имеет ли общерусская культура вообще какой-либо смысл в этих условиях или же каждая из трех ветвей «русского племени» должна создавать свою независимую региональную культуру. Отстаивая первое решение, Трубецкой опирался на идею о «высокой» и «низкой» культурах. Он настаивал на том, что каждая культура должна иметь два этих аспекта, и предупреждал украинцев, что, если они отвергнут «высокую» общерусскую культуру, они

²² Трубецкой Н.С. Ответ Д. И. Дорошенко.

²³ Masaryk Th.G. *The New Europe: The Slav Standpoint*. Lewisburg, PA: Bucknell Univ. Press, 1972. P. 119-120; Бочковский И.П. Профессор Т. Г. Масарик об украинском вопросе // *Украинская жизнь*. 1913. № 4. С. 48, 53.

столкнутся с катастрофическим культурным упадком. На его взгляд, путь украинцев к «общечеловеческой культуре» лежал только через культуру более высокого уровня, представленную общерусской, или евразийской, культурой²⁴. Вот почему он рассматривал украинских националистов и сепаратистов как «узких местных шовинистов», нарушавших естественный ход развития украинской культуры. Он предупреждал, что, если украинская культура порвет с общерусской, то ей придется многое заимствовать у Запада и она потеряет свою самобытность.

С его точки зрения, настоящая украинская культура может выжить только как «индивидуализация общерусской культуры», т. е. как «низкая» культура. Подобным же образом следовало создавать великорусскую и белорусскую «низкие» культуры. Но если все эти отдельные «низкие» культуры должны были развиваться независимо друг от друга, то создание «высокой» культуры требовало их совместных усилий, без чего невозможно было бы построить единую культурную систему. Последняя была бы тем прочнее, если бы она создавалась на основе какого-либо сущностного принципа. Трубецкому казалось естественным, что только русское православие может идеально служить таким принципом, способным оплодотворить все сферы культуры сверху донизу.

Таким образом, украинская контроверза отчетливо показывает, чему на практике должна была служить евразийская теория культуры и какие результаты следовало от этого ожидать. Совершенно очевидно, что отдельные этнические культуры могли сохраняться в планировавшемся евразийском государстве только как этнографические «низкие» культуры, бесписьменные или со слабо развитой письменной традицией²⁵.

Между тем, украинских эмигрантов-националистов все это не устраивало, и в поисках пути к освобождению они демонстрировали явно западную ориентацию²⁶. Они относили себя, безусловно, к славянскому, а вовсе не к евразийскому, миру и указывали на свои исторические связи с Западом, причем некоторые из них прочно увязывали это с западной демократией. Их даже радовала концепция евразийцев, дававшая им дополнительные аргументы для противопоставления себя великороссам, которые как бы сами согласились с тем, что они чужды европейскому миру и более тяготеют к «татарщине». Один из лидеров украинского национального движения Д. Андриевский прямо заявлял, что устами евразийцев

²⁴ Трубецкой Н.С. Ответ Д. И. Дорошенко. С. 55-56.

²⁵ Такой вывод естественным образом вытекал из либерального подхода к национальной проблеме, популярного на рубеже XIX–XX вв. См.: Hobsbawm E. Nations and nationalism since 1780. Cambridge, 1990. P. 41-42. О негативной реакции украинцев на это предложение см.: Дорошенко Д.И. Указ. раб. С. 47-48; Мицюк О. Евразийство. Прага, 1930. С. 20-21. Правда, в своем ответе Дорошенко Трубецкой уже допускал развитие на Украине философии, науки и литературы на украинском языке.

²⁶ Андриевський Д. Евразійство // Тризуб, 15 серпня 1926; Левицький В. Українська державна путь. Львів, 1933. С. 98, 109; Мицюк О. Евразійство. Прага, 1930. С. 7-9. Об этом см.: Журженко Т. Ю. Евразийцы без энтузиазма, европейцы без приглашения: дилеммы украинской геополитической идентичности // Политическая наука. 2006. № 2. С. 10.

русские рисуют свое восточное будущее, тогда как путь украинцев лежит на Запад. Он видел в евразийской концепции недвусмысленное обоснование обособленности Украины от России, что и давало ей право на борьбу за самостоятельность²⁷.

Трубецкой не случайно подробно остановился именно на украинском вопросе, взяв его за основу обсуждения проблемы построения общеевразийской культуры в целом. Ведь во второй половине 1920-х годов в связи с набиравшей в СССР силу украинизацией, в эмиграции наблюдалось оживление среди украинских националистов-самостийников, и евразийцы прекрасно понимали, что ключ к единству Российского государства находился в украинских руках²⁸. Вот почему, чтобы подсластить пилюлю, евразийцы делали такой большой акцент на историческом вкладе украинцев в культурное и государственное строительство. Однако это не помогло им переубедить украинских националистов, которых не могло удовлетворить подчиненное положение украинской культуры в будущем евразийском государстве.

Национальная программа евразийцев, естественно, тут же привлекла большое внимание деятелей национальных движений, встретивших ее резко отрицательно, в особенности после публикации обеих евразийских программ и статьи Трубецкого по украинскому вопросу. Из них наиболее детальный анализ евразийства дал профессор Украинского университета в Праге О. Мицюк, стремившийся показать, что евразийство является ничем иным, как попыткой по-новому обосновать старую теорию «православие, самодержавие, народность». Он однозначно интерпретировал, так называемую, общеевразийскую культуру как господство великорусской народности, а введение государственного православия как всеобщую русификацию. Для него нация ассоциировалась не с государственностью, а с народом, этносом, и он энергично протестовал против объявления всех разнообразных народов России одной евразийской нацией, находя корни такого подхода в охранительных писаниях М. Каткова 1860-х годов. Мицюк отстаивал права народов на сохранение своей культуры и на самостоятельность. С этой точки зрения, он видел в Советской федерации уловку, отнюдь не защищавшую от русификации и унификации, которые стали бы неизбежным следствием политической централизации и строительства единого «евразийского народа». Для него идеи Трубецкого по украинскому вопросу однозначно означали установку на усиление провинциализма украинской культуры и насильственный отрыв украинской интеллигенции от украинского народа. Подытоживая свой анализ, Мицюк объявлял евразийство врагом безгосударственных народов, которым оно «готовит роль не субъекта своей судьбы, а объекта его агрессивных намерений» и, тем самым, лишь способствует росту этнического сепаратизма²⁹. В то же вре-

²⁷ Андрієвський Д. Указ. соч. С. 12.

²⁸ Чхеидзе К.А. События, встречи, мысли (рукопись). Památník Národního písmenictví, Praha. Literární Archiv. Fond Čcheidze. Paměti. С. 409-411.

²⁹ Мицюк О. Указ. соч. С. 27.

мя Мицюк указывал на согласованность евразийства с панисламизмом, пантюркизмом и панмонголизмом и обвинял его в том, что оно искусственно стимулировало тюрко-монгольское возрождение³⁰.

В противовес русским евразийцам первые украинские геополитики С. Рудницкий и Ю. Липа представляли Украину хорошо интегрированным пространственным телом, тяготеющим к Черному морю, куда направлялись текущие по Украине реки. Тем самым, лицом Украина была обращена к Византии и Средиземноморскому миру, что определяло ее культурные ориентации. В то же время своими северо-западными землями она была связана также и с Балтийским регионом. Все это делало Украину важным связующим звеном между Европой и Азией. Кроме того, географическое расположение Украины способствовало тому, что она якобы становилась естественной защитницей Европы как от степных кочевников, так и от российской экспансии. Определенную роль в этом дискурсе играли и расовые аргументы, предостерегавшие украинцев от смешения с «низшими расами», что выводило его за рамки евразийского проекта, избегавшего такой риторики³¹.

Все эти споры оставались ни к чему не обязывающим экзотическим наследием эмигрантской мысли вплоть до конца 1980-х гг., когда евразийство вдруг оказалось вновь востребованным и начало оказывать влияние на реальную политику. В 1990-х гг. различные евразийские проекты активно дискутировались в самых разных кругах российской политической и интеллектуальной элиты. Тогда евразийские одежки примеривали на себя Казахстан, некоторые тюркские интеллектуалы в России и даже Екатеринбург. Не оставил этот дискурс равнодушной и Украину, причем в конце 1980-х гг. рассматриваемый русско-украинский спор возобновился буквально в том же виде³².

Сразу же после образования независимой Украины там возник вопрос о ее взаимоотношениях с постсоветской Россией, чего требовали как складывающаяся тревожная геополитическая обстановка, отягощенная взаимными территориальными претензиями, так и формирование новой идентичности. Именно в этом контексте на Украине и началось обсуждение евразийской концепции в ответ на рост популярности евразийства в России. Если, как мы видели, в довоенное время эта концепция воспринималась украинскими националистами исключительно негативно как выражение «русского империализма», то теперь наблюдалась более сложная картина. Одна группа украинских интеллектуалов (демократы и либералы) всячески отвергала евразийство как чуждую идеологию, стремившуюся сохранить Украину в рамках российской гегемонии, тогда как другая, представ-

³⁰ Там же. С. 11.

³¹ Рудницкий С.Л. Чому ми хочемо самостійної України. Львів: Світ, 1994. Об этом см.: Wilson A. The Ukrainians: Unexpected Nation. New Haven: Yale UP, 2002. P. 280-284; Журженко Т.Ю. Указ. соч. С. 11-13.

³² Szporluk R. Dilemmas of Russian Nationalism // Problems of Communism. 1989. Vol. 38. No. 4. P. 29-31.

ленная прагматиками, консерваторами и ультранационалистами, пыталась украить евразийство и поставить его себе на службу.

В 1992 г. первые развернули кампанию против евразийства на страницах газеты «Літературна Україна». Если евразийцы подчеркивали теснейшие и нерасторжимые культурные и исторические связи русских с украинцами, то для украинских либералов это было вовсе не очевидно. Они без сожаления оставляли Евразию русским, а Украину отождествляли с Европой. Во-первых, они видели в евразийстве великодержавную и имперскую идею, призванную «мирно и толерантно» выразить свое отчаяние в связи с распадом Российской империи и создать идеологические основы для ее возрождения³³. В противовес старым и новым евразийцам они настаивали на том, что Российская империя строилась на крови и жестокости, что она не «расширялась в пределах естественных границ», не защищала народы, а покоряла и эксплуатировала их. Они доказывали, что никакого «равноправия народов» в России никогда не было, а идеологема «собрания земель» была ловким обманом. Развенчивая популярную у русских националистов идею о том, что в России за всю ее историю не исчезла ни одна этническая группа, они приводили многочисленные примеры обратного.

Во-вторых, они настаивали на едва ли не изначальной ориентации Украины на Европу. В этом отношении, опираясь на концепцию М. Грушевского, они искусно использовали данные о расколе Руси в период монгольского нашествия. Если евразийцы и, вслед за ними Гумилев, обличали Даниила Галицкого, якобы «продавшего» Галицко-Волыньские земли папской курии, и прославляли Александра Невского, сумевшего путем компромисса наладить дружеские отношения с Ордой, то украинским либералам все это виделось в ином свете. Для них своими действиями Даниил Галицкий сохранил, по крайней мере, часть украинских земель в орбите европейского влияния, тогда как правители Владимиро-Суздальской Руси унаследовали от Орды авторитарное устройство государственной власти. Отсюда склонность России к автаркии, тоталитаризму, гиперэтатизму, подчинению экономики неэкономическим факторам, идеократии и растворению индивида в коллективе. Кроме того, владими́ро-суздальские, а затем и московские князья способствовали активным бракам русских с татарами и массовому заимствованию элементов восточной культуры, что якобы еще больше отдалило тех от славянства.

В-третьих, напоминая идею Трубецкого об «украинизации» России в XVII в., некоторые авторы доказывали, что у России был шанс вернуться в лоно Запада, но она им не воспользовалась. Наконец, в-четвертых, строя демократическое государство, украинские либералы подчеркивали, что евразийство было геополитической доктриной, основанной на иррациональных идеях и далекой от идеалов демократии. Они чутко замечали подмену понятий, осуществлявшуюся евразийцами: «месторазвитие» вместо «империализма», «суперэтнос» вместо «имперского конгломерата народов», или «советского народа». Все это заставляло укра-

³³ Левандовський В. Евразійство // Політологічні читання. 1992. № 2. С. 287-292.

инских либералов отвергать евразийскую идею как «великодержавную фантазмагорию», «апологетику российского империализма и колониализма», как теоретическое оправдание империи и «потенциал для неоимперских панроссийских или тюрко-славянских посткоммунистических проектов». Со своей стороны они видели в распаде СССР долгожданное «освобождение народов»³⁴. Они предпочитали стать «европейской нацией с местными корнями на своей собственной земле»³⁵.

Поэтому некоторым из них больше импонировал проект «Центральной Европы», сконструированный в 1910–1920-х гг. немецкими авторами. Несмотря на то, что созданный в период империалистической войны этот проект содержал в имплицитной форме претензии на гегемонию кайзеровской Германии в Восточной Европе, украинский автор предпочитал этого не замечать. Зато он подчеркивал стремление немцев представить народы Восточной Европы гомогенной «центральноевропейской» общностью, обитавшей в «однотипном социо-культурном ландшафте» и «комплиментарной» немцам. Кроме того, немцы делали акцент на защите этой общности от «русской агрессии» и предлагали создать федеративное государство, которое бы сгладило конфликты между славянскими и германскими интересами. Украинскому автору казалось, что с получением Украиной независимости пришло время для возвращения к идее ее союза с государствами Центральной Европы, а для этого ей следовало признать свою европейскую идентичность и подчеркивать европейские основы своей политической и социальной культуры. Никакой «тюрко-славянской идее» здесь места не было³⁶. В поисках идейной опоры сторонники этой концепции апеллировали даже к наследию «интегрального националиста» Д. Донцова, далекого от либерализма³⁷. Любопытно, что эта концепция, подобно евразийской, апеллировала к культурным аргументам, но на этот раз украинская культура оказывалась «комплиментарной» не русской, а немецкой.

³⁴ Волинський В. Тисячолітня держава, або ідея-фікс колишнього президента колишнього СРСР // Літературна Україна. 1992. 1 січня; Гончар О., Драч І., Лубківський Р., Павличенко Д., Щербак Ю. На захист істини // Літературна Україна. 1992. 13 лютого; Шпиталь І. Кого і як «присовокупляли» // Літературна Україна. 1992. 27 лютого; Тризнів М. Україна і Росія: шляхи і долі // Літературна Україна. 1992. 11 червня; Гордасевич Г. Історія в дзеркалі поезії // Літературна Україна. 1992. 25 червня; Кочубей Ю. Що таке «евразійство» // Літературна Україна. 1992. 7 травня; Левандовський В. Указ. соч.; Скочиляс Л. Імперська політика Росії в СНД // Генеза. 1995. № 1. С. 200-205. На орієнтації України на Європу настаивал и американский политолог украинского происхождения Тарас Кузьо. См.: Кузьо Т. Европа чи Евразія? Стратегія для України // Розбудова держави. 1996. № 6. С. 14-16. № 7. С. 15-19; Kuzio T. Ukraine: State and Nation Building. L., NY: Routledge, 1998. P. 132.

³⁵ Кочубей Ю. Указ. соч.

³⁶ Левандовський В. Україна в геополітичних концепціях першої третини ХХ сторіччя // Політична думка. 1994. № 3. С. 58-68. См. также: Wilson A. The Ukrainians. P. 285-286.

³⁷ Приступа В. Сучасні іпостасі українського політичного націоналізму // Генеза. 1994. № 2. С. 187.

Между тем, реальная политическая ситуация была много сложнее: разделение страны на русофонские и украинофонские регионы³⁸, а также наличие активной крымско-татарской общины при экономической слабости молодой Украины и нерешенности ряда острых территориальных проблем с соседними государствами заставляли украинских политиков лавировать между Западом и Востоком. Камнем преткновения стал Крым, где, с одной стороны, обитала большая русскоязычная община и в Севастополе располагалась военно-морская база России, а с другой, быстро росло крымско-татарское население, требовавшее привилегий как, во-первых, коренного народа, а во-вторых, народа, перенесшего все ужасы советской депортации и дискриминации. Понимая взрывоопасный характер такого рода проблем, некоторые украинские авторы призывали вести осторожную гибкую политику и избегать конфронтации с Россией, балансируя между Западом и Востоком³⁹. Например, предлагалось «кооперироваться с СНГ и одновременно интегрироваться в Европу»⁴⁰. Поэтому, вопреки некоторым западным аналитикам⁴¹, отрицание идеи Евразии было свойственно далеко не всей украинской элите. Напротив, перед лицом неожиданно возникших острых политических проблем некоторые попытались ее украинизировать.

Действительно, свой крайний облик идея западничества получала в проектах представлявшегося опасным «галицийского автономизма»⁴². Одновременно татары в лице председателя Центра культуры тюркских народов Украины Р. Масаутова напоминали о том, что ее южные районы были тесно связаны с историей их предков. Мало того, ссылаясь на поддельную «булгарскую летопись» «Джагфар тарихы»⁴³, Масаутов доказывал, что степная Украина была «колыбелью тюркоязычных племен» и что не только львиную часть культуры украинцы унаследовали от тюрков, но что даже Киев был якобы основан древними тюрками как сто-

³⁸ В конце 1997 г. 55,9% населения Украины считали себя украинцами, а 26,7% имели русское или двойное украино-русское самосознание. При этом немало украинцев говорили только по-русски или в равной мере владели русским и украинским языками. Русофоны концентрировались в восточных, южных, юго-восточных и северо-восточных областях. Около половины населения Киева говорили в 2000 г. только по-русски. См.: Белецкий М.И., Толпыго А.К. Национально-культурные и идеологические ориентации населения Украины // *Полис*. 1998. № 4. С. 76; Майборода А. Этнополитическая сфера в Украине // В. Смирнов и др. (ред.). *Политические и экономические преобразования в России и Украине*. М.: Три квадрата, 2003. С. 307. Табл. 1. См. также: Wilson A. Elements of a theory of Ukrainian ethno-national identities // *Nations and Nationalism*. 2002. Vol. 8. No. 1. P. 32-33; Shulman S. The cultural foundations of Ukrainian national identity // *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22. No. 6. P. 1011-1036.

³⁹ Гарань О., Коваль Я., Шевчук А. Україна та Крим у російських геополітичних концепціях // *Політична думка*. 1994. № 3. С. 93-97.

⁴⁰ Wilson A. The Ukrainians. P. 290.

⁴¹ См., напр.: Wolczuk K. History, Europe and the "national idea": the "official" narrative of national identity in Ukraine // *Nationalities Papers*. 2000. Vol. 28. No. 4. P. 684-685.

⁴² Wilson A. Elements of a theory. P. 43-44; idem. On Galician 'autonomism' // В. Törnquist-Plewa (ed.). *History, language and society in the borderlands of Europe*. Malmö: Sekel, 2006. P. 161-184.

⁴³ Об этом см.: Прицак О. А може, булгаро-татарський Оссіан? // *Східний світ*. 1993. № 2; Schamiloglu U. We are not Tatars! The invention of a Bulgar identity // L. Karoly, N.E. Kincses (szrk.). *Néptörténet – Nyelvtörténet*. Szeged, 2001. P. 143-145.

лица Великой Болгарии⁴⁴. Если вслед за Грушевским украинские авторы с гордостью подчеркивали свои казацкие корни, то Масаутов настаивал на том, что первыми казаками были тюркоязычные половцы, поклонявшиеся богу Тенгри. Свой экскурс в историю Украины он заканчивал утверждением о том, что украинцы якобы вели свою генеалогию от древних тюрков, говоривших по-славянски. Тем самым, и ему культурные аргументы представлялись более убедительными, чем политические.

Как бы ни относиться к романтизированным взглядам Масаутова на роль древних тюрков в истории Украины, они показали, что, если Украина стремится стать демократическим государством, она должна отказаться от украинского этноцентризма и более внимательно отнестись к интересам этнических меньшинств. Между тем, украинские радикалы сделали прямо противоположный вывод. С начала 1990-х гг. необычайную активность проявил филолог В. Довгич, пытавшийся наделить украинцев великим историческим мифом, очищавшим прошлое Украины от «инородцев»⁴⁵. Видя в движениях меньшинств посягательство на целостность украинской государственности, он указывал на опасность взглядов Масаутова для современной Украины⁴⁶. Отвергая тюркский и русский исторические мифы, Довгич зато целенаправленно создавал величественное здание украинского мифа. При этом он с пользой для себя опирался на этногенетический подход Гумилева, пытаясь «корректировать» взгляды того на этногенез русских. Довгич доказывал, что «московский (русский) этнос» сложился лишь 600–700 лет назад, а в XX в. попал в фазу надлома и в настоящее время стоит перед угрозой исчезновения. Зато, по мнению Довгича, украинцы оказывались не в пример более древним этносом (1,5 тыс. лет), подошедшим к новому инкубационному периоду, и им предстоит стать «могучим цивилизованным народом». Якобы эту «страшную правду» и не хотел видеть Гумилев⁴⁷. Будучи ярким сторонником украинской независимости, Довгич всеми силами пытался обеспечить Украине престижное место в мире и представлял ее важным мировым центром, а не окраиной Запада или Евразии⁴⁸.

На Украине сила евразийской идеологии была очень быстро осознана местными национал-патриотами. Одним из первых ответ русским неоевразийцам дал Роман Коваль, председатель радикального националистического движения «Державна самостійність України» и учредитель газеты «Незборима нація». В своем программном выступлении перед украинскими националистами он, по сути, воспроизводил многие из положений, когда-то выдвигавшихся евразийцами: державность, приоритет нации над личностью, союз государства с церковью, идео-

⁴⁴ Масаутов Р. О слове «Украина» и не только // Вечерний Киев. 1992. 7 июля.

⁴⁵ О нем см.: Shnirelman V.A. The Myth of the Khazars: Intellectual Antisemitism in Russia, 1970s-1990s. Jerusalem: The Vidal Sassoon International Center for the Study of Antisemitism, Hebrew University, 2002. P. 155-156.

⁴⁶ Довгич В. Вперед, до Європи 1913-го? чи 913-го? // Русь Київська. 1994. № 1. С. 2.

⁴⁷ Довгич В. Гумильов проти Гумильова // Розбудова Держави. 1992. № 2. С. 55-57.

⁴⁸ Довгич В. Україна – окраїна Росії? // Дзвін. 1992. № 7-8.

кратия. Он говорил и о соборности, но для него она означала не «культурную симфонию», о которой писали евразийцы, а объединение всех украинских этнических территорий (в том числе, входивших в Российскую Федерацию) под эгидой единого Украинского государства. Не было у него и речи о равноправном развитии различных культур. Напротив, он стоял за принятие строгого иммиграционного закона для пресечения бесконтрольной миграции на Украину и был категорически против образования какой-либо русской автономии в Крыму. Западная ориентация ему также была чужда. Он вставал в оппозицию к США и заявлял также, что Украина не заинтересована в интеграции Европы. Впрочем, российское евразийство, выступавшее против «атлантизма», его также не устраивало, ибо не готово было предоставить Украине более почетное место, нежели «периферия». Напротив, в новой Украине он видел особый политико-экономический центр, проводящий свою активную политику, и мечтал о том, что к ней потянутся страны Прибалтики, Восточной Европы, Закавказья и даже Турция. Этот «восточноевропейский союз» под эгидой Украины становился в его мечтах основой для возникновения оси Берлин-Вена-Будапешт-Рим-Киев-Стамбул-Токио, в чем он видел «украинскую версию евразийства». Коваль верил, что «противник и ненависть к нему являлись мощным фактором интеграции», и в таком противнике видел Россию. В то же время ради установления дружественных отношений с тюркско-мусульманским миром он готов был предоставить крымским татарам национально-территориальную автономию в Крыму⁴⁹.

Еще дальше шли ультрарадикальные идеологи УНА-УНСО, объявлявшие евразийство идеей, более подходящей Украине, чем России. Начиная с географического обоснования этой идеи (море и суша, степь и лес), они делали еще больший акцент на исторической мифе о предках, выводившем украинцев из трипольской культуры, делавшем их едва ли не основателями шумерской цивилизации и отождествлявшем их с арийцами⁵⁰. В перспективе им рисовалась Великая Евразия от Ирландии до Сахалина, причем они включали туда даже Индию с Африкой. Духовную основу этой цивилизации они, вопреки евразийцам, видели в неоязычестве и оккультизме, что было, безусловно, связано с арийской идеей, чуждой евразийцам. Это «великое евразийство» они противопоставляли «местечковому евразийству» ослабленной России, замкнутому в рамках СНГ, и евразийству Гумилева, напоминавшему им панмонголизм. России они советовали «достигать идентичности и создавать Великую Россию под духовно-политическим протекторатом Киева». Своей же задачей УНА-УНСО называла создание Украинской цивилизации и формирование «нового типа людей»⁵¹. В результате на пар-

⁴⁹ Коваль Р. Проблеми державності України // Державність. 1992. № 2(5). С. 33-38; он же. Современная геополитическая доктрина // Вечерний Киев. 1992. 12 ноября. С. 2.

⁵⁰ Об этом мифе см.: Шнирельман В.А. «Внуки Дажбога»: идейные и историографические основы украинского неоязычества // Б.Н. Флоря (ред.). Украина и Белоруссия: история и культура. Ежегодник 2005/2006. М.: Индрик, 2008. С. 210-252.

⁵¹ Халецкий О. Евразійство як здійснення української ідеї // Націоналіст (Львів). 1994. № 1. С. 19-20. См. также: Корчинський Д. Викликаю огонь на себе! Київ: б. и., 1998.

ламентских выборах марта 1998 г. правые выступали с лозунгом «Украина должна стать могучей консолидирующей силой на грани трех миров – Европы, Азии и мусульманского Востока»⁵².

Однако «Украинскую цивилизацию» лидерам УНА-УНСО создать не удалось, и, не желая быть маргиналами, они занялись поиском новой ниши. Со временем им стало ясно, что «атлантическая цивилизация» им ненавистна много больше, чем Россия. Поэтому после «оранжевой революции» конца 2004 г. бывший идеолог УНА-УНСО, а ныне лидер всеукраинской партии «Братство» Д. Корчинский примкнул к неоевразийскому движению А. Дугина. Выступая 21 сентября 2005 г. на митинге Евразийского союза молодежи, проходившем на Славянской площади в Москве по случаю 625-ой годовщины битвы на Куликовом поле, он призвал к беспощадной войне против атлантической цивилизации и заявил, что война эта близка, как никогда⁵³.

Тем самым, по своим геополитическим взглядам Корчинский сблизился с позицией украинских коммунистов и социалистов, настаивающих на славянском союзе для успешной борьбы с угрозами с Запада и с Юга. Эта идеология представлена странным синтезом евразийских и панславистских идей⁵⁴, хотя классическое евразийство сознательно противопоставляло себя панславизму.

В недолгий период дружбы с Дугиным Корчинский даже выступил одним из наставников пропрезидентского молодежного движения «Наши»⁵⁵. Однако отношения Дугина как с официальной, так и с неофициальной Украиной явно не складывались. В июне 2006 г. ему на пять лет был запрещен въезд в страну. А после того, как 12 октября 2007 г. три члена Евразийского союза молодежи намеренно осквернили украинские национальные символы на горе Говерла в Ивано-Франковской области, украинские националисты во главе с Корчинским разорвали отношения с русскими неоевразийцами.

В середине 1990-х гг., когда украинское общество всерьез обсуждало вероятность распада Украины на две части, евразийская идея заинтересовала не только маргинальных политиков и идеологов, но и окружение президента Л. Кучмы, включая его самого. Так в 1994 г. в своей инаугурационной речи Кучма заявил, что «исторически Украина является частью евразийского экономического и культурного пространства». Однако, встретив резкую отповедь украинофонов, он больше открыто не возвращался к этой идее⁵⁶. Однако ее пытались использовать его советник Д. Г. Выдрин и глава администрации президента Д. В. Табачник. В евразийском проекте они однозначно усматривали выражение российской им-

⁵² Евзеров Р.Я. Украина: с Россией вместе или врозь. М.: Весь мир, 2000. С. 85-86.

⁵³ Мы пришли, чтобы править // Евразия. Информационно-аналитический портал (<http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=2673>).

⁵⁴ Wilson A. The Ukrainians. P. 309-310.

⁵⁵ Верховский А., Кожевникова Г. Основные тенденции в развитии национал-радикального движения и государственного противодействия ему в 2005 году // Башинова Ю., Таубина Н. (сост.). Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России. М.: Фонд «За гражданское общество», 2006. С. 20.

⁵⁶ Wilson A. Elements of a theory. P. 38.

перскости, претендовавшей на господство России в СНГ. В то же время они прекрасно понимали, что имеющаяся экономическая конъюнктура (транспортировка российских нефти и газа через территорию Украины в Европу) не позволяет Украине сделать решительный выбор между Европой и Россией, по сути дела, способный поставить под угрозу государственное единство Украины. Поэтому, не желая быть «задворками Европы», они предлагали Украине сознательно играть роль полнокровного евразийского государства, способствующего нормальным бесконфликтным взаимоотношениям между Россией и Европой. Идее «Евразии», связанной с Россией, они противопоставляли идею «евразийского пояса», или коридора, в котором у каждой из основных стран содружества (Украины, Казахстана, Азербайджана, Беларуси) имелась сугубо своя собственная роль. При этом особое значение они придавали оси Украина-Казахстан, но ключевое место центра этого пояса отводилось Украине. Они полагали, что такая схема способна предупредить нарастание имперских амбиций у России и лишить ее лидерства в СНГ⁵⁷.

Вместе с тем, такие «евразийские» планы встречали недовольство украинских либералов и демократов, подозревавших в них уступку «российскому империализму» и, как мы уже видели, однозначно связывавших будущее Украины с Европой. В изоляционистской политике России и СНГ они видели тормоз для интеграции в Европу и хотели вырвать Украину из этих пут. Но и они понимали, что Украина по ряду объективных причин зависит от России и не может свободно реализовать европейскую альтернативу. Поэтому они советовали Украине постепенно освободиться от этой зависимости и играть самостоятельную посредническую роль между Западом и Востоком⁵⁸. В этом плане перспективным виделось представление об украинской культуре как синтезе польской и русской, и украинской духовности как синтезе западного и восточного христианства, и даже еще шире как синтезе монотеистических религий с индоевропейскими языческими верованиями. Все это якобы позволяло Украине быть мостом между Западной Европой и Россией⁵⁹. В свою очередь авторы концепции «евразийского пояса» доказывали, что евразийство поддается интерпретации и что их проект не имел ничего общего с имперской евразийской идеей русских идеологов, начиная от Данилевского и Леонтьева и кончая Гумилевым⁶⁰. Такое украинизированное ев-

⁵⁷ Видрін Д. Г., Табачник Д. В. Україна на порозі XXI століття (політичний аспект). Київ: Либідь, 1995. С. 126-138. См. также: Білорус О., Горелов М. Національна «мрія» і історичний шанс // Віче. 1995. № 5.

⁵⁸ Дергачев А. Украина в современных геополитических преобразованиях // Полис. 1998. № 3. С. 124-132; Парахонський Б. О. Південно-східний вектор // Політика і час. 1998. № 3. С. 3-6. Любопытно, что упомянутая выше книга Выдрины и Табачника была изъята из продажи, прежде чем она смогла широко разойтись. См.: Wolczuk K. History, Europe and the "national idea": the "official" narrative of national identity in Ukraine // Nationalities Papers. 2000, vol. 28, no. 4. P. 685.

⁵⁹ Кіхно О. Доля української культури в європейському і світовому контексті // Генеза. 1995. № 1. С. 71-72.

⁶⁰ Видрін Д. Г., Табачник Д. В. Україна на порозі XXI століття. С. 126-138.

разийство находило отклик у населения востока и юга Украины, не готового разрывать свои сложившиеся связи с Россией⁶¹.

На Украине этот подход нашел историософское обоснование в работах философа Ю. В. Павленко, полагающего, что эффективное развитие Украины возможно лишь с учетом ее культурных («цивилизационных») традиций. Будучи сторонником модного цивилизационного подхода, рожденного евразийством, Павленко считает, что у Украины нет культурных оснований для идентификации себя с Западом и Европой, для которых он сознательно использует евразийский термин «романо-германский». Он отрицает понятия «евразийской» или «советской» цивилизации по формальному признаку – ведь они не были связаны единой религией. Зато ему больше импонирует понятие «православно-славянской цивилизации», возникшей на основе Киевской Руси. Чтобы поднять престиж украинцев, автор подчеркивает, что немало выходцев из украинской знати вошли в состав российского правящего класса, и называет Российскую империю не «русской», а «империей восточнославянских православных народов», или «православно-славянской цивилизацией». Возрождая идеи Трубецкого, он доказывает, что своей культурной основой она в гораздо большей степени была обязана украинскому влиянию, нежели московско-русской традиции, законсервированной маргинализированным старообрядчеством. Все это приводит его к выводу о том, что Украина не просто относится к «западно-православной субцивилизации православно-восточнославянской цивилизации макрохристианского цивилизационного мира», но что она служит «основой этой субцивилизации». Тем самым, Украина обретает символический престиж – ведь она является не этнической общностью и не государством, а «субцивилизацией». В то же время определяются и ее осененные веками цивилизационные ориентиры – не с «атлантической», а с «православно-восточнославянской цивилизацией». Ибо, и здесь он повторяет известное евразийское заклинание, «мы для Запада никогда не будем аутентично ‘своими’». Однако это не означает изоляцию от Запада, и автор тут же оговаривается, что Украина способна вполне органично воспринимать и адаптировать евро-атлантические достижения. Кроме того, сохраняя излюбленную евразийскую идею, он подчеркивает промежуточное геополитическое положение Украины между разными мирами – Западом и Востоком (мусульманским миром)⁶². Это позволяет ему подводить историософское и культурологическое основание под идею трансевразийского транспортного коридора («новый Великий шелковый путь»), о которой писали Выдрин и Табачник. Любопытно, что, понимая империю Романо-

⁶¹ Белецкий М. И., Толпыго А. К. Указ. соч.; Евзеров Р. «Евроазиатская идея» в независимых государствах // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 44-45; Wilson A. Ukrainian Nationalism in the 1990s. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 192. Деление Украины на, с одной стороны, восток и юг, и с другой, запад, ярко проявилось в политическом расколе страны, сопровождавшем «оранжевую революцию» ноября-декабря 2004 г. См.: Арель Д. Украина выбирает запад, но без востока // Pro et Contra. 2005. № 1. С. 39-51.

⁶² Павленко Ю. В. Україна у світовому цивілізаційному процесі // Вісник Національної Академії Наук України. 2002. № 3. С. 18-26. О детальном обосновании этого подхода см.: Павленко Ю. В. История мировой цивилизации. Киев: Феникс, 2002 (особенно с. 641-651).

вых как «славяно-тюркский мир»⁶³, Павленко не распространяет это понятие на Украину. Что же касается постсоветского пространства, то он рассматривает его не как Евразию, а как «переходную синкретическую зону взаимопроникающих периферий соответствующих цивилизационных миров»⁶⁴.

Эта концепция, создававшая солидный псевдонаучный фундамент для политики раннего Кучмы была пересмотрена во время его второго президентского срока, когда его советником стал директор Национального института стратегических исследований А. Галчинский, сторонник европейской ориентации, подчеркивавший, что Украина и Россия были разными цивилизациями⁶⁵. Определенную роль в такой реориентации, безусловно, сыграла американская дипломатия. Об этом свидетельствует то, что, подписав в июле 1997 г. договор о партнерстве с НАТО, уже в октябре Украина стала одним из инициаторов создания регионального объединения Грузии, Украины, Азербайджана, Молдовы и Узбекистана (ГУУАМ), поставившего своей целью снижение зависимости от российских энергоресурсов. Однако экономическая слабость и зависимость от российского бизнеса, а также возросшая эффективность российской дипломатии не позволили этим планам полностью реализоваться⁶⁶.

Евразийский путь, ведущий к росту авторитаризма и изоляционизма, был, безусловно, отвергнут новым ориентированным на Запад правительством В. Ющенко, пришедшим к власти в начале 2005 г.⁶⁷ Казалось, в новую эпоху евразийский дискурс на Украине маргинализуется, хотя и будет пользоваться некоторой популярностью среди русофонов. Однако политические баталии лета 2006 г. и последующие события, показавшие, что раскол страны далеко еще не преодолен, оставляют открытым вопрос о судьбе евразийства на Украине. После подписания в начале августа 2006 г. «Универсала национального единства» и назначения премьер-министром страны лидера «Партии регионов» В. Януковича, поставившего своей целью объединение Украины, у евразийского дискурса появились новые перспективы⁶⁸. Тогда самым бескомпромиссным противником вхождения Украины в Европу и столь же рьяной сторонницей пророссийской ориентации проявила себя стоящая в оппозиции правительству популярный лидер Прогрессивно-социалистической партии Украины Н. М. Витренко. Это выразилось, в частности, в том, что, наряду с Д. Корчинским, она тогда вошла в Высший Совет Международного евразийского движения, созданного А. Дугиным⁶⁹.

⁶³ Павленко Ю. В. История мировой цивилизации. С. 647.

⁶⁴ Там же, с. 648.

⁶⁵ Журженко Т. Ю. Указ. соч. С. 20.

⁶⁶ Там же, с. 25-27. Позднее Узбекистан вышел из этого альянса.

⁶⁷ Миллер А. Многое испорчено, но не все потеряно // Pro et Contra. 2005. № 1. С. 33.

⁶⁸ О склонности Януковича к представлению о «восточнославянской цивилизации» см.: Журженко Т. Ю. Указ. соч. С. 17.

⁶⁹ Umland A. Vitrenko's fascist friend. The Strange Alliance between Ukrainian "Progressive Socialism" and Russian "Neo-Eurasianism" (<http://www.unian.net/eng/news/news-152563.html>). О политической позиции Витренко см.: Кацман В., Чирва В. Наталия Витренко: "Мне звонил Ющенко и просил убрать людей с Крещатика" // Известия. 2006. 17 октября

Сегодня роль факторов, раскалывающих Украину по лингво-культурным границам, не только не снижается, но, напротив, усиливается. Это – проблема вступления Украины в НАТО и судьба Севастополя, раскол православной церкви в Украине, оценка Голодомора и действий украинских националистов в годы Второй мировой войны, статус русского языка и, наконец, в самое последнее время – отношение к российско-грузинскому конфликту, вспыхнувшему в августе 2008 г. из-за Юго-Осетии. Но, вопреки алармистским предсказаниям ряда российских политологов, радикальный политический раскол на Запад и Восток Украине, похоже, не грозит.

Иными словами, к началу XXI в. на Украине сложились четыре разных отношения к евразийству: демократы его, безусловно, отвергали как «имперскую идеологию», национал-радикалы создавали свою версию евразийства именно на основе украинизированной «имперской идеологии», а центристы-прагматики использовали умеренную украинизированную версию евразийства, представлявшую именно Украину мостом между Западом и Востоком. Наконец, в начале 2000-х годов преобладание у национал-радикалов антизападнических настроений и слабость их социальной базы в Украине неожиданно заставили их сблизиться, с одной стороны, с местными социалистами, а с другой, – с русскими неоевразийцами, хотя, как мы видели, этот союз оказался непрочным. При этом национал-радикалов увлекала иррациональная геополитическая сторона евразийской идеи, тогда как центристы делали акцент на ее, хотя и более приземленном, но и более реальном экономическом содержании. Иными словами, люди, далекие от реальной политики, склонны развивать и подхватывать самые странные утопии, оказывающие, тем не менее, определенное воздействие на человеческие эмоции. Зато те, кто осуществляет реальную политику, придерживаются более умеренных взглядов, и именно у них иной раз наблюдается инструментальный подход к евразийству, далекий от глобальной геополитической доктрины, вдохновляющей национал-радикалов.

Евразийский дискурс на Украине позволяет обнаружить важные нюансы образа Евразии, который оказывается не столь целостным и однозначным, как это представляли себе евразийцы 1920-х гг. Как мне уже приходилось отмечать, этот образ с самого начала отличался многозначностью и был доступен интерпретации и реинтерпретации. В Евразии можно было видеть либо уникальное географическое пространство (Савицкий), либо особый культурный ареал (Трубецкой), либо регион, обреченный на «православизацию» (Карсавин), либо социальную общность с единой исторической судьбой (Вернадский). Можно было ограничиться анализом этих особенностей, а можно было положить их в основу новой «евразийской» идентичности, придавая ей политическое значение – последнее и составляло самую суть евразийской идеи. Фактически евразийство было созна-

тельной попыткой выработки научной основы для «хорошего», или «истинного национализма»; евразийцы это отчетливо сознавали и открыто признавали⁷⁰.

Между тем, созданный евразийцами целостный образ Евразии с ее интегрированной культурой означал в переложении на политический язык нечто, весьма знакомое бывшим советским людям, – полное единство народа («соборность»), «единомыслие» («идеократия») и однопартийную политическую систему во главе с харизматическим лидером; иными словами, власть элиты («правлящего отбора»), или номенклатуры. Не случайно, евразийцы с неподдельным интересом следили за развитием фашистской Италии с ее корпоративным строем, – авторитаризм им явно был по душе, тогда как с либеральной демократией им было не по пути. Вот почему поклонники евразийства находятся преимущественно среди консерваторов, культурных фундаменталистов, а также правых и левых радикалов, тогда как либералы и демократы, как правило, оказываются его противниками. И все же было бы неверно сводить весь евразийский дискурс к одной лишь этой позиции. Ведь, как уже отмечалось выше, евразийство многолико и поддается интерпретации и реинтерпретации. Некоторые авторы находят для себя выгодным делать акцент на каком-либо одном из его образов, отбрасывая или игнорируя все остальное, что и приводит к формированию разных вариантов евразийства⁷¹. Например, многих соблазняет апелляция евразийства к некоему промежуточному состоянию («между Европой и Азией»), открывающему возможность маневра в быстро меняющемся мире. Преимущество такого состояния очевидно.

Во-первых, это дает право представить свою страну связующим звеном между «цивилизациями» и континентами, что в свою очередь позволяет претендовать на место посредника как в политическом, так в экономическом и культурном плане. Такое место кажется многообещающим и престижным как политикам, так и общественности. Например, новый имидж Британии, созданный по заказу кабинета Тони Блэра в 1997 г., включал понимание Британии как моста между Европой и Америкой⁷². Во-вторых, тем самым можно претендовать на место некоего уникального центра, синтезирующего приходящие отовсюду культурные импульсы, к которому в силу этого якобы естественным образом тянутся самые разные народы и культуры. В-третьих, это помогает в полной мере использовать культурную символику для решения некоторых внутривнутриполитических проблем в том случае, если стране или региону грозит раскол из-за непрочного межэтнического баланса. Именно последнее настолько же актуально для Украины, насколько для Казахстана или Татарстана, где идеология евразийства именно поэтому пользуется определенной популярностью. Иными словами, как это ни парадоксально, сегодня евразийство кажется соблазнительным не только русскому имперскому национализму, но и некоторым другим моделям национализма, в том числе анти-

⁷⁰ Шнирельман В. А. Интеллектуальные лабиринты. М.: Academia, 2004. С. 6-7.

⁷¹ Об этом см.: Шнирельман В. А. Цивилизационный подход как национальная идея // В. А. Тишков, В. А. Шнирельман (ред.). Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007.

⁷² The Economist. 1997. August 23.

русским. Вот почему, наряду с русским евразийством, сегодня можно встретить иные его модели, как-то украинскую, казахстанскую, тюркскую и прочие⁷³. Евразийцам 1920-х гг. все это могло бы показаться нелепостью, однако жизнь демонстрирует, что, благодаря изощренности человеческого ума, одни и те же политические концепции могут реинтерпретироваться до такой степени, что ведут едва ли не к прямо противоположным результатам. Следовательно, иной раз важность представляют не сами идеи и концепции, а то, кто, как и в каких целях ими пользуется.

Вместе с тем, имея дело с евразийством и его разновидностями, следует отчетливо сознавать, что в поисках политических дивидендов они сознательно апеллируют к культуре и стремятся игнорировать социальные факторы. В этом контексте культурное единство представляется панацеей от всех социальных бед, включая раскол между богатством и бедностью, соперничество между группами с разными интересами и расхождения устремленностей разных регионов. Ведь вера в культурное единство, по мысли сторонников такого подхода, автоматически смягчает возможные конфликты и обуславливает взаимное тяготение и стремление полюбовно решить все возникающие проблемы. Это, разумеется, – очередная утопия, ибо, как известно, самые жаркие баталии разгораются из-за дележа общего наследства⁷⁴. Между тем, образ культурного единства кажется соблазнительным и составляет неотъемлемую часть многих националистических проектов, ибо он позволяет выдавать свою волю или волю узкой корпоративной группы за волю всего народа, объединенного «единой культурой», что якобы и обуславливает единство интересов. Такая риторика искусственно подменяет политику культурой, политический интерес – культурными ценностями, а политическую общность – «локальной цивилизацией».

Однако рассмотренные выше материалы делают весьма сомнительными утверждения сторонников модного «цивилизационного подхода» о неких нетленных ценностях, лежащих в основе отдельных «цивилизаций». Ведь то, как представляют образ Украины те или иные политические силы, определяется вовсе не какими-либо глубинными культурными ценностями, а вполне конкретными политическими целями и интересами.

⁷³ Laruelle M. Le néo-eurasisme russe: L'empire après l'empire? // Cahiers du monde russe. 2001. Vol. 42. No. 1. P. 71-94.

⁷⁴ О примерах см.: Shnirelman V. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington DC, Baltimore & London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 1996; Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ Академкнига. 2003; он же. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛЮ, 2006.